

тройкой УНКВД по Красноярскому краю по политическим статьям было репрессировано 18 132 чел., из которых 12 603 были расстреляны. При том, что «тройки» руководствовались лимитами, утвержденными Политбюро» (Сиротинин В.С. *Коммунистический террор в Красноярском крае // Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Кн. 1. Красноярск, 2004. С. 28*).

Анализируя особенности реализации репрессивной политики в 1937–1938 гг. в Якутской АССР Т.С. Иванова отметила: «О широте и размахе репрессий, в Якутии не удалось выявить сколько-нибудь полных данных и проследить их динамику. Имеются лишь отрывочные сведения, но в различных источниках повторяется несколько раз одна и та же цифра — 1 800 чел. арестовано в Якутии за последний квартал 1938 г.» (Иванова Т.С. *Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х–30-е гг.)*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. С. 117).

Таким образом, определяя масштабы «большого террора» в СССР в настоящее время следует руководствоваться следующими факторами. Во-первых, из-за ограниченности на данный момент источниковой базы по проблематике (особенно ряда ведомственных архивов) максимально достоверными данными выступает статистика, озвученная как уже было выше сказано генерал-майором министерства безопасности России А. Краюшкиным. Данные, приведенные А. Краюшкиным стали исходными в определении масштабов «большого террора» в СССР 1937–1938 гг. в большинстве современных не только российских исследованиях, но и в зарубежной историографии (*Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / под ред. С. Куртуа, Н. Верта, Ж.-Л. Панне. М.: Три века истории, 1999. С. 193*). И, во-вторых, мы можем констатировать, что на данный момент в исторических публикациях не достаточно полно изучена проблема в выяснении числа жертв «большого террора» на региональном уровне. Именно это взаимодополнение центральной статистики региональной может в перспективе показать реальные масштабы массовых политических репрессий в СССР в 1937-1938 гг.

В.А. ШАЛАМОВ

ФОТОМАТЕРИАЛЫ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ПОВСЕДНЕВНОЙ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В 30-е гг. XX в.

На современном этапе развития отечественной исторической науки все большее значение приобретает использование в качестве источников новых технических средств, таких как фотодокументы, кинодокументы, аудиозаписи, компьютерное моделирование и т.д. Историки все еще относятся к этому комплексу источников с недоверием. Чаще всего

специалисты обращаются к ним от случая к случаю, в качестве иллюстративного материала, либо попросту делают в своих работах замечания вроде того, что эти документы имеют большую историческую, политическую и культурную ценность. В последние десятилетия уровень развития техники значительно повысился, что должно, наконец, привести к изменению взгляда историков на подобные типы источников, не имеющих письменной основы. Это в свою очередь актуализирует работу по поиску методики для их изучения.

Огромный вклад в дело использования на практике кинофотофонодокументов (КФФД) внесли исследователи истории повседневности. Они стали использовать материалы, хранящиеся как в архивных фондах, так и в частных собраниях. Однако до сих пор почти не встречаются крупных работ на основе КФФД. Между тем они могут использоваться совершенно самостоятельно и воссоздавать картину прошедших эпох. В качестве яркого примера можно назвать документальный сериал А. Голованова «Иркутские хроники», посвященного наиболее важным событиям города Иркутска (*Голованов А. Иркутские хроники: док. сериал к 70-летию Иркутск. обл. [Электронный ресурс]. Иркутск: ГТРК «Иркутск», 2007*). Подобную работу можно составить и на основе фото- или фонодокументов. А. Голованов показал наглядно, как можно использовать имеющиеся данные для воссоздания картины прошлого. Подобных работ в регионах России единицы. Кино-видеоархивы Восточно-Сибирской студии кинохроники ждут своего исследователя. Примерно такое же положение с фотодокументами. В одном только Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) находится на хранении 12 241 единица учета фотодокументов за 1870–1981 гг. Огромный фотофонд фактически не востребован.

Однако историки повседневности забывают о таком источнике как газетная фотография. Если статьи из различного рода периодических изданий используются повсеместно, то фотографии обычно остаются не задействованы. Между тем здесь имеются широкие возможности. Фотография прочно занимала одно из первых мест в средствах массовой информации XX–начала XXI вв. Фотодокументы с 20-х гг. XX в. находят отражение в периодической печати, причем не только в центральных газетах и журналах, но и очень быстро проникли в периодику местного значения. Их публикация в периодической печати предполагала органическое сочетание помещенного в газете или журнале снимка, и сопровождающего его в качестве обязательного компонента, должным образом атрибутированного пояснительного текста (*Источниковедение новейшей истории России / под ред. А.К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. С. 216–217*). Доказательством слабого привлечения фотодокументов из периодической печати служит то, что не разработана система ссылок на этот источник (*Библиографическое оформление научных работ / под ред. И.П. Белоус. Иркутск, 2005*).

Фотодокумент из периодических изданий имеет примерно ту же специфику, что и обычный фотодокумент. Известный российский исто-

рик-архивовед В.М. Магидов описал ее следующим образом: 1) запечатленность на пленочном (или другом) носителе информации некоторых фактов реальной действительности; 2) способность «остановить мгновенье»; 3) наличие вполне определенных границ фотокадра, основные компоненты которого находятся в пределах изображенного в фотодокументе; 4) возможность посредством информации, содержащейся в фотодокументе, не только образно представить событие, но и осмыслить его; 5) наличие разнообразия информации, заключенной в фотодокументе, создает возможность суммарного представления о действительности; 6) широкая доступность изготовления и использования фотодокументов; 7) возможность использования различных технических средств, приводящих к фальсификации событий или фактов (ретушь, фотомонтаж, инсценировка и т.д.); 8) взаимосвязь эстетической и познавательной ценности фотодокументов.

Все эти специфические черты фотодокументов как исторических источников необходимо иметь в виду при интерпретации их сущности, определении подхода к фотодокументу как к одному из изобразительных документов (*Магидов В. М. Кинофотофонодокументы как исторический источник // Отечественная история. 1992. № 5. С. 106–107.*

Советская власть всегда очень внимательно следила за периодической печатью. Газеты в регионах появлялись буквально сразу же после установления советской власти. На протяжении 1920-х гг. в исследуемом регионе существовало огромное количество периодических изданий различной направленности (советские, партийные, рабочие, крестьянские и прочие газеты и журналы). В отличие от центральных газет это были обычные газеты в лучшем случае содержавшие какую-нибудь карикатуру или рисунок. Иногда появлялись рисунки, имеющие сходство с фотографией. Прежде всего это относилось к портретам активистов и партийных деятелей (*«25-тысячники» // Вост.-Сиб. правда. 1930. 18 нояб.*).

Однако технический прогресс в области печати постепенно стал проявляться и в пределах Ангаро-Енисейского региона. С 30-х гг. сначала в краевых («Восточно-Сибирская правда», «Восточно-Сибирский комсомолец», «Ленинский путь»), а потом в районных изданиях («Власть советов», «Ачинский крестьянин», «Колхозная правда», «Аларский колхозник») появились первые фотоснимки, авторами которых были корреспонденты-фотографы В. Стэмпковский, А. Черненко, А. Хмелева и др. Их первые фотографии, конечно, не имели большой четкости и художественной ценности. Тем не менее, они быстро учились, поэтому очень скоро стали представлять на публикацию более серьезные произведения фотомастерства. Количество фотоснимков стало ощутимо расти.

Количественно все газетные фотографии, опубликованные в исследуемом регионе за 30-е гг. XX в., очень тяжело охватить. Однако выборочным методом мы все же можем произвести некоторый анализ на предмет выявления информации по истории повседневности. Весь кор-

пус фотодокументов из периодической печати можно разделить на три неравные группы.

В первую группу можно отнести ряд фотоснимков портретного типа. Эти фотографии, как правило, исполнены в торжественном стиле, часто в парадно-выходной одежде. Но иногда встречаются фотографии в более свободном стиле, когда главный герой или герои снимка изображены в рабочей или спортивной одежде. Чаще всего это поясные снимки, но встречаются и во весь рост. Иногда персонаж сопровождали в зависимости от его профессии какое-нибудь животное или инструмент. Примером такой фотографии может послужить снимок семьи колхозника Доровских, награжденного за ударную работу граммофоном (*Стэмповский В. Мечты стали действительностью // Вост.-Сиб. правда. 1935. 6 февр.*). Этот род фотографии дает историку повседневности довольно много полезной информации. Прежде всего, фотография дает возможность наглядно увидеть героев, упоминаемых в письменных источниках. Можно выявить ряд факторов на основе одежды. Судя по одежде на портрете, возможно определить покупная она (изготовлена на фабрике) или самодельная, а это дает некоторое представление об уровне развития хозяйства. Можно характеризовать моду на ношение той или иной одежды и прически, определить сохранность традиционных норм. Подписи, сопровождающие портрет могут помочь определить социальный статус человека, примерный возраст, а возможно и национальность. Задний план фотографии может также помочь талантливому исследователю. Здесь можно увидеть хозяйственные постройки, технику, орудия труда, внутренний вид жилья. Для историка повседневности это вполне читаемый, ценный и зачастую единственный источник информации по бытовой стороне сельской жизни.

Ко второй группе фотоснимков относятся фотографии, на которых изображена какая-нибудь деятельность (работа в поле, на складе, на ферме, в избе-читальне, активный отдых молодежи, строительство объектов, проверка бригадами качества работы и т.д.). Эти фотоснимки составляют львиную долю фотографий, опубликованных в советской периодике. В качестве образца можно взять снимок, на котором запечатлены колхозницы очищающие зерно для сдачи его государству (*Стэмповский В. Чистосортное зерно государству // Ленинский путь. 1933. 7 нояб.*). Этот тип фотографии дает еще более разнообразную информацию. Нам представлены все виды сельскохозяйственных работ, а также работа сельской интеллигенции. Можно увидеть деятельность книгонош, изб-читален, полевых станков, работников яслей и т.д. Здесь же представляется возможность сравнить уровень развития техники и сельской архитектуры различных регионов. Попутно исследователь получает информацию об одежде, моде, прическе, убранстве и т.д. Все это нужно использовать при исследовании хозяйственной деятельности, культурном развитии села, рассмотрении народного костюма и досуга сельчан.

Самую маленькую группу фотографий составляют снимки, изображающие какие-либо особые объекты. Это может быть образцовый сельсовет или изба-читальня, радиоузел или окультуренная улица селения, кинотеатр или плодово-ягодный сад. Фотографии этого типа содержат информацию, которая позволяет судить о развитии хозяйства, планировке селения, архитектуре сельских зданий, развитии культурной жизни и т.д. На этой основе можно делать некоторые обобщения, касающиеся, прежде всего, развития культуры исследуемого региона.

Таким образом, можно констатировать, что такой источник как газетная фотография практически не используется в исторических исследованиях. Если обычные фотодокументы довольно неплохо исследованы как исторический источник, то фотодокументы из периодической печати оказались вне предела источниковедческих описаний. Исследователь не имеет возможности даже сделать специальной ссылки на подобный источник, хотя по информативности он имеет целый ряд преимуществ. Фотодокументы из периодических изданий можно использовать самостоятельно. Это еще один центр еще не использованной информации, которая в будущем поможет несколько иначе рассматривать историю развития хозяйства, культуры, досуга, архитектуры и другой деятельности сельского человека советского периода в нашем регионе.